

Сергей Оберман

16+

ВОРОЖЕИ
НЕ ОСТАВЛЯЙ В ЖИВЫХ

Сергей Владимирович Оберман

Ворожеи не оставяй в живых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62994678

SelfPub; 2020

Аннотация

Всю свою жизнь я служил вере, вере в Него. Вера по определению не может быть рассудочной, рассудительной. Вера слепа, ее принимаешь как данность, как аксиому. Но люди не могут не задавать вопросы, не искать ответы на них. Поэтому вполне понятно, что вера ослабла, а из недоступных человеческому пониманию тайников на волю выбралось некое абсолютное зло, спешащее, и вполне успешно, навязать веру в себя, как в новое божество. На смену старым догматам идут новые. И не вполне ясно, какие из них предпочтительнее...

Содержание

Ужасные энергии – то, что зовется Злом –
суть циклопические архитекторы и пролагатели
путей гуманности.

Фридрих Ницше

Первым вернувшимся ко мне ощущением была боль. А, может, наоборот: она, внезапно покрывшая меня своим беспросветным одеялом, постепенно отступила и оставила мою душу содрогаться в болезненных корчах, заменивших ей мир. Боль ощущалась везде – во мне и вокруг меня, сверху и снизу, справа и слева. Все мое существование внезапно превратилось в сплошную жгучую боль, одного упоминания о которой я боялся больше, чем адского огня. А вот теперь я жил ею и не мог никак избавиться от нее, стала частью моего жалкого существа. Господь даровал мне эту муку и мне пришлось сжиться с нею. Другого пути не было. И в награду за это, сквозь пелену огненных мерцаний и грохочущих в ушах звуковых каскадов, ко мне стали пробиваться и иные чувства.

Я будто снова нарождался на свет.

Сквозь феерическое мерцание боли прорвались другие звуки и проредили ее пульсирующую настойчивость. Никогда раньше не приходилось слышать подобной чертовщины. В пляшущей в моем мозгу непосильной муке было больше упорядоченности, чем в разорвавшей ее какофонии. Заунывность и тоска, скрежет и всхлип, раздор и сомнение.

Это была дьявольская музыка. Сама по себе она была не менее мучительна, чем физическая боль, разрывающая на части мое тело, но в симбиозе с ней она становилась воистину панацеей.

Я должен был видеть. Мысль об этом внезапно прорезала воспаленное болью восприятие. И я попытался хоть что-нибудь предпринять. И не смог найти в себе сил. Моим телом владела боль и даже хаотические звуки музыки доносились, как далекий шум прибое через настырно бьющие звуки рок-н-ролла. И я перестал сопротивляться боли, попытался раствориться в ней, понять, принять ее.

Мне это удалось? Она оказалась разумной и пошла мне на встречу?

Я обязан был заставить свои глаза видеть. Напрягая внутренние силы, я пытался пробудиться, прорвать кокон. Сковавший меня.

Боль отступала, звуки становились слышны отчетливее, яснее, различимее. В них проявился порядок. Я уже понял, что различаю их слухом и ощутил свои веки. Одного усилия, чтобы разлепить их, было недостаточно. Когти боли сжали мою израненную душу с новой силой. Я боролся. Я разодрал неимоверно тяжелые веки, которые словно промазали красным клеем, и я увидел.

Огонь и тени. Блики пламени, делающие их непропорционально огромными в сравнении с пляшущими фигурами, выделявавшими замысловатые па. Мои наполненные кро-

вью ноздри раздвинул отвратительный запах плесени и гнили. Я узнал это место, впрочем, как и одну из дергающихся фигур. Это была городская помойка, а я ...

Сильнейший приступ головокружения вернул мне память и две слезы выкатились из моих глаз. На какой-то ничтожный миг я словно увидел себя со стороны. Мог ли я помыслить, что приму муки, подобные Его? Вот я и попал туда, куда хотел. Но так ли я это себе представлял и стоило ли оно того?

Господи, в твоей ли это воле?! Вырвавшаяся из закоулков сознания память новой волной душевной муки затопила мое естество и криком распечатала уста.

– Владыко, Господи, Ты начал показывать рабу Твоему величие Твое и силу Твою, и крепкую руку Твою и высокую мышцу; ибо какой бог есть на небе, или на земле, который мог бы делать такие дела, как Твои, и с могуществом таким, как твое¹?

Память, вернувшаяся ко мне, отвергала всякие сомнения: появился новый бог, а наш Единый не может, или не хочет, вступить за свою паству. Но могу ли я упрекать Его? Не виноваты ли мы в этом сами?

Три марионетки от высокого костра неторопливо двинулись ко мне, не прекращая своих замысловатых телодвижений. Теперь я узнал и двух других. Не приходилось ждать от них ничего хорошего, тем более, что своим нынешним по-

¹ ВТОРОЗАКОНИЕ 3 23, 24

ложением я обязан был исключительно им.

А как обыденно начиналось то утро...

На утреннюю проповедь в церковь никто не пришел, как и вчера на вечернюю. Церковь стремительно теряла свой авторитет в городе, и я не знал, чем это объяснить. А лет пять назад на мои проповеди приходило полгорода и скамьи в храме Святых Петра и Павла никогда не были пусты. А сейчас нет даже моих некогда верных помощниц Алисы и Стефы, за свою жизнь не пропустивших ни одной службы. Вера покидает человеческие сердца, что заполняет их взамен нее? И мне поневоле приходится все чаще задаваться вопросом: в чем причина утраты веры? Виноват ли в этом век космических скоростей, стремительного прогресса и виртуальной реальности или в душах людских поселилась иная вера? Многоликая, легко принимаемая, не требующая усилий и воздержания, мучений и отречения? Поощряющая пороки и удовольствие. И вот эта новая вера, такая желанная, взращенная на потреблении, а не мучениях и страданиях, повергает старую в пучину забвения и отторжения? Библия искажается и извращается, то, что ранее осуждалось, в новых учениях становится нормой. К чему мы идем? И, вместе с тем, я прекрасно сознавал, что все мои размышления ничтожны и мелки в сравнении с Его глобальными замыслами. На все Его воля. Может, все происходящее – звенья одной, постоянно кующейся Им цепочки? И потому изо дня в день я продолжал безропотно отправлять свои обязанности.

Голос мой одиноко разносился под гулкими сводами, украшенного резными орнаментами, пустого зала и только широкий солнечный луч, целеустремленно чертивший свою дорожку к алтарю, был ему свидетелем и слушателем.

– Если кто имеет уши слышать, да слышит! И сказал им: замечайте, что слышите. Какую мерою мерите, такую отмерено будет вам, и прибавлено будет вам, слушающим. Ибо, кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет². Аминь!

Мои неторопливые размеренные шаги попирали вековое спокойствие и тишину старинного храма. Чистота и покой. За цветными стеклами витражей разгорался новый летний день. Живой огонь горящих свечей, запах ладана, придавал мне сил. Пока есть храм, церковь, в которую могут прийти, обратиться за духовной помощью, люди и поведать Господу свои радости и печали, моя служба Ему не напрасна.

Выходя на улицу, я оставил в храме сутану. Может быть, не следовало разоблачаться, но среди горожан я старался быть одним из них. Вечером сестра зашивала карман моих стареньких брюк, поэтому я нисколько не удивился отсутствию ранее отложенных двух крон. Что ж, я тоже грешен. Перехватить кружечку пива в баре у Арни теперь не представлялось возможным. Часы на городской ратуше пробили одиннадцать. Можно было посидеть еще пол часа в сквере, потом отправляться домой пообедать, – Синтия, наверняка,

² МАРК 4 23-25

приготовила аппетитный вкусный суп.

После скрадывающего сумрака храма, яркое солнце неприятно резануло в глаза. Шевелящаяся на легком ветру далекая зелень сквера приятно манила и радовала взор и душу. И тем большее негодование вызывали грязные символы, пачкающие белоснежную стену храма. Чья-то злая рука на чертала поверх ранее замазанных мной новые сатанинские знаки, свастику, пяти и шести конечные звезды, ругательства. Некоторые не просто перестали почитать Бога, но старательно демонстрируют свое глупое неуважение к Нему. Я устало покачал головой: нельзя же настолько презирать и не уважать свою душу.

– Что, святой отец, работка подвалила? – Гельмут, которого я знал с пеленок и крестил своими руками, нагло грубо ухмылялся и бросал в мою сторону издевательские насмешливые взгляды. Ему, несомненно, нравились разводы краски на стене.

– Ты, можешь сказать мне, кто это сделал? – Я должен был спросить этого дородного детину, прячущего за спину измазанные черной краской руки.

– Догадываюсь, но вам-то какой от этого прок? Словами забросаете?

Харкнув, сплюнув мне под ноги отвратительным плевком, он развернулся и не спеша зашагал прочь. А я побрел в скверик, размышляя о том, где в очередной раз раздобыть мел или белую краску. В центре площади меня настиг возглас.

– Ого-го! Эге-гей! Люди! Посмотрите-ка! – Разорвал жаркую умиротворенность дня пронзительный мальчишеский фальцет.

Не повернуться, не обратить на него внимание было невозможно. Прогуливающиеся немногочисленные горожане и спешащие через площадь по своим делам люди останавливались, натываясь друг на друга и смотрели на детскую фигурку, указывающую куда-то пальцем вверх. – Эй, глядите-ка!

Удивленные возгласы слышались из десятков уст различных людей волею случая оказавшихся в тот миг на площади, а на лицах застыло изумление, удивление, неверие, когда они устремляли свой взор туда, куда указывал грязный палец мальчишки.

Поддавшись всеобщему ажиотажу, щурясь от яркого полуденного солнца и прикрывая глаза ладонью, я так же воззрел на шпиль ратуши. Что-то или кто-то там был, кажется, человек. Кто же мог забраться на подобную высоту? И как? Зачем? Двенадцатиметровый шпиль уверенно протыкал небо, а на самом его острие лепилось нечто черное и бесформенное. К сожалению, зрение мое уже не так остро, как лет пятьдесят назад.

– Да это же Мэт!

– Точно! Старая Мэт!

– Не может быть! Вот дает, старуха!

Возгласы удивленного непонимания и пустой восторжен-

ности волнами перекатывались по суетливой толпе, собравшейся у здания ратуши. А в душе моей встрепенулись тревога и страх, потому что вспомнились когда-то сказанные слова отца, обретшие внезапно значение и смысл. Кости отца давно сгнили в земле, но неоднократно произнесенная им фраза огненными буквами прорезалась в моем сознании. «Когда старая Мэт воссядет на шпиле, придет конец света». Уверен, многие в городе слышали эти же слова от своих родителей, передающиеся из поколения в поколение, но мало кто понимал их и придавал значение. И вот теперь я воочию зрел это диво.

Кто в городе не знал старую Мэт! Она была его неотторжимой частью, его достопримечательностью. Люди в городке рождались и умирали, а Мэт жила уже на протяжении многих поколений. И никто, почему-то, никогда не задумывался над этой несуразной странностью. Глядя на нее, казалось, что она умрет не сегодня, так завтра и потому не было человека воспринимавшего ее всерьез и обращавшего на нее внимание. Впервые, эту странную старуху я увидел, когда сам был мальчишкой, теперь мне перевалило на седьмой десяток, а Мэт оставалась все такой же грязной и безобразной старухой, обитающей на городской свалке. Отец говорил, что она живет вечно, что ее знали еще его дед и прадед. Сказания о долгой жизни Мэт стали легендой, преданием, но она никогда не лезла на глаза, а часто ли мы посещаем свалки? Только детьми, в поисках неожиданных и острых приключе-

ний. Я так же никогда не придавал значения самому факту существования Мэт, а теперь испугался. Ее знали все, но о ней не знал никто.

На безоблачном дневном небе внезапно возникла и напозла на солнце черная грозовая туча. На площадь опускались неожиданные сумерки.

– Надо помочь женщине! Она же упадет! – Встревожился кто-то.

– Вызовите пожарных! У них есть лестницы!

– Совсем спятила старая! Тряпье свое вонючее на ветру сушит. Мерзость какая!

Где-то вдалеке уже ревели сирены пожарных машин.

Тучи закрыли небо сплошной темной пеленой и в сумеречном сером свете я напряженно всматривался в фигуру на шпиле. Как она там и за что держится? Нет, в ней не было страха. Мне было совершенно не понятно, как и за что она там может удерживаться, но выглядела она уверенно. И не просила о помощи. Выглядело все это дико, непонятно и противоестественно. В какой-то момент случилось то, чего никто не мог ожидать: шпиль начал изгибаться. Неужели не выдержал тяжести Мэт?! Не сопереживать старой женщине в этот момент не мог никто. Казалось, сейчас шпиль сломается и с огромной высоты старуха грохнется оземь. Множество людей затаили дыхание.

Происходящее выглядело сюрреалистично, нелогично и непонятно до крайности. Стальной шпиль продолжал изги-

баться и, вместе с тем, удлиняясь, изящно и плавно опускал Мэт на землю. Он словно растягивался, как резиновый жгут. Зрелище было настолько необычно, настолько не вписывалось в привычные понятия и представления, что люди отшатнулись от Мэт, как только она коснулась земли. Они, словно спугнутые крокодилом лани бежали от старухи в грязном рубище, прочь. Падали, спотыкаясь, заплетаясь ногами, поднимались и спешили отойти подальше. Через какие-то мгновения я остался стоять перед Мэт один. И тогда я понял, почему бежали люди. В своих дряблых, но таких сильных руках уродливая старуха крепко сжимала голову огромной змеи, хвост которой круто уходил вверх и брал свое начало на острроверхой крыше ратуши.

Последние проблески света поглощались сгущающейся тьмой. День стремительно иссякал. Мэт вперевалку двинулась ко мне, с уголков ее губ текла розовая слюна. Крики убегающих людей, за моей спиной, стали громче, как только она двинулась. Оскаленная пасть змеи с острыми клыками, в руках старухи, удивительно походила на безобразное испещренное глубокими морщинами лицо Мэт. Я попытался заговорить с ней и случайно взглядом натолкнулся на ее глаза, прятавшиеся под набухшими веками.

– Вы не...

Договорить я не мог. Ледяная пустота ее глаз лишала меня речи. Старая Мэт уже не была тиха и безобидна. Тревожная энергия исходила из ее существа. Она отпустила змею, ранее

бывшую шпилем на ратуше, и ее гигантское тело, упав, сотрясло землю. Извиваясь, пресмыкающееся проползло мимо меня, настигая испуганных бегущих людей. Строгой и прямой походкой, в которой были сила и власть, двинулась на меня Мэт. Одно движение ее руки, и сильный толчек из ниоткуда бросил меня на колени.

– Вы мои! – Провозгласила Мэт вдогонку бегущим людям голосом, от которого затрепетала листва на деревьях. – Я вновь обрела свою силу! Вы придете и будете служить мне!

От ее ли голоса или от изменившейся погоды, подул ветер, набирающий силу с каждой минутой.

– И дам я вам знамения, чтобы вы знали, что я власть над вами³! – Проорала Мэт.

Она дико расхохоталась и перекаты ее хохота будили низменный пещерный ужас, тесными клещами сдавливали голову. На площади никого не осталось, кроме меня, поверженного ниц перед Мэт. Неторопливо и уверенно Мэт развернулась в мою сторону и меня обездвижила пустыня ее глаз.

– Вера в Бога утеряна. Людям нужен новый старый Бог. И ты придешь ко мне. Сам. Принесешь и отдашь остатки своей веры. Когда поймешь, что ваш Бог мертв. Вы сами похоронили его.

Она уже не выглядела старухой, такая в ней бушевала сила. Внешность оставалась прежней, но изнутри... Попирая булыжник мостовой, Мэт скрылась среди кустарника сквера,

³ Сродни ИСХОД 10 2 «... и чтобы вы знали, что Я Господь»

до которых я так и не дошел.

Кто-то, взяв меня сзади под локоть, помог подняться.

– Вот вам и старуха, святой отец.

– Благодарю вас, Карл. – Это был наш городской врач.

Мужчина лет пятидесяти.

– Не стоит. – Он потер переносицу, чтобы отереть первые упавшие с неба капли. – Что это? – Карл в испуге смотрел на свои пальцы.

– Вы доктор, вот и ответьте.

На мою раскрытую ладонь упало несколько черно-алых капель. Ответ на его восклицание уже пришел ко мне, но я ждал, когда он сам озвучит его.

Карл растер капли, понюхал и даже лизнул.

– Неужели это кровь?! Откуда? И так много!

– А как вы можете объяснить спектакль, устроенный старой Мэт?

– Но что все это значит?! – Наш городской доктор истерично-испуганно схватил меня за рукав.

– Вероятно то, что вы имеете несчастье зреть наличие тех сил, которые до сих пор не признавали и отрицали и которые не вписываются в вашу систему представлений о мире.

– Но кровь! – Он в изумлении продолжал разглядывать свои руки.

Капли уже не падали разрозненно, с черного неба шел сплошной кровавый дождь, разбиваемый ветром на мелкую пыль. Острый специфический запах не давал дышать.

– Я могу только догадываться, но поверите ли вы служителю церкви? У вас же свои представления о том, как устроен мир. Когда-то Бог заставил поверить в него и достаточно успешно. Возможно, Мэт пошла тем же путем. Я не знаю кто или что она такое, только предполагаю. Слышали ли вы о казнях египетских? Казнь первая, превращение воды в кровь «и рыба в реке вымерла; и река воссмердела, и Египтяне не могли пить воды из реки; и была кровь по всей земле Египетской⁴». Кажется, это первое ее знамение. Впрочем, давайте уйдем отсюда, кровавый дождь усиливается, мы уже итак похожи на пресытившихся вурдалаков.

– Нас уже не отличишь от них. – Карл размазывал по лицу кровавые разводы. – Что это вы болтали там на счет Египта?! Где мы, а где Египет! Кто такая эта Мэт и чего она хочет?!

– Зачем вам выслушивать мои предположения? У вас ведь, наверняка, есть свои версии. Толку от догадок мало. Мы с вами не знаем ровным счетом ничего. У меня все еще есть вера. А что есть у вас? Ответьте себе, что вы видели пять минут назад и что видите сейчас. Если все укладывается в ваши шаблоны, то все в порядке.

– А как понимаете происходящее вы?

– На все Его воля. Люди утратили веру в Него. Верят во что угодно и в кого угодно. Мэт – это наше испытание, через которое следует пройти.

– Чушь!

⁴ ИСХОД 7 21

С неба лил кровавый поток, и серая городская перспектива тонула в размытом алом ореоле, под ногами хлюпала липкая кровь, она же стекала по нашим волосам, лицам, одежде и запах ее неприятно дурманил голову.

– Кровь, кровь, и кровь! От этого можно сойти с ума? – Карл сжал руками виски, качая головой. – Откуда она в таком количестве?!

– Может, мы действительно спятили и принимаем обычный дождь за кровь?

– А появление Мэт на городской ратуше, устроенный ею спектакль? Скажете, всего этого тоже не было?

– Кто знает? Возможно, старая Мэт сидит сейчас в своей лачуге и перебирает старые тряпки, а все происходящее через пару часов покажется нам дурным сном. Снова пойдет обычный дождь...

– С вами невозможно говорить, святой отец, прощайте!

Он развернулся и широкими шагами двинулся к мэрии, разбрызгивая черные лужи и отчаянно утирая липкую влагу со своего лица. Через десяток шагов он остановился и издали погрозил мне пальцем.

– Я еще в этом разберусь! – Как он ни старался, он не мог скрыть свой испуг. Кровь с неба залила ему рот, и я оставил его отплевываться – глупо было в этот момент находиться под открытым небом.

Конечно же, сестра не находила себе места. Располневшая в свои шестьдесят, она не растеряла женского обаяния и ми-

ловидности. После смерти жены, Синтия стала для меня заботливой нянькой.

– Боже, Аль, что с тобой?!

– Все в порядке, дорогая. Это такая пакость падает с неба.

Я немного отступил от истины, а она от моего окровавленного вида едва не потеряла сознание. Милая, добрая, доверчивая Синтия! Ты и представить себе не могла у источника каких бед мы стояли тогда. И то ужасное зрелище, которое я из себя представлял, было лишь отражением того, что ждало нас впереди. Волосы слиплись от крови и черными сосульками уродовали лицо. Уже свернувшаяся кровь схватилась коркой и корявой маской стянула кожу лица. Кровь пропитала вставшую колом одежду. Мне едва удалось убедить сестру, что никто меня не избил и я не ранен, указав на заливавшую окна кровь. Только тогда она, с трудом, но поверила.

– Быстро под душ! – Скомандовала Синтия.

И, кажется, даже повеселела.

– Сомневаюсь, вряд ли я стану выглядеть лучше.

Она не поняла, что я хотел этим сказать. Не понимала даже тогда, когда из крана полилась не вода, а кровь, заставив ее окончательно перепугаться.

– Понимаешь, попытался объяснить я, – по-видимому, вся вода в округе превратилась в кровь. А поскольку дождь – это результат процесса испарения воды ... – И тут я поймал себя на мысли, что рассуждаю совсем как наш доктор Карл.

И все же вода в доме нашлась. К счастью, Синтия запасала

ла дождевую воду и у нее нашлась пара ведер, не затронутая ворожкой Мэт. Это так же наводило на некоторые размышления. Предаваясь им, мне кое-как удалось привести себя в порядок. Как я понял позже, беспокоили они не только меня.

– Так что же все-таки происходит? – Спросила Синтия, когда мы сели обедать.

Случившееся утром было настолько необычно и непривычно для скучного течения жизни в нашем городишке, что, пренебрегая правилами хорошего тона, я за едой рассказал ей о произошедшем у городской ратуши.

– И что ты об этом думаешь? – В ее словах и взгляде не было страха, и я понял, что она целиком доверилась мне.

– Думаю, этим дело не закончится и нас ждут еще более мучительные и неприятные казни, совсем как в Библии. Возможно, наш отец знал несколько больше, кто такая Мэт, но теперь этого не узнать никому.

– Да, папы уже давно нет...

И вдруг, истерично закричав, она, едва не перевернув стол, вскочила на ноги и продолжая вопить, забилась в дальний угол комнаты. Не понимая, что происходит, я так же ринулся из-за стола, расплескивая суп и переворачивая стулья.

В приоткрытую дверь в столовую лезли жабы. Как они попали в дом?!

– И вышли жабы, и покрыли землю Египетскую⁵. – Что-то, помимо моей воли, заставило выплеснуться эту фразу из

⁵ ИСХОД 8 5

враз онемевших уст.

– Убери их! Убери, Аль! – Остекленевшие глаза Синтии прочно привязались к напозавшей стеной волне омерзительных тварей, принесших с собой отвратительный запах могильной сырости.

И плача, и завывая, и призывая милость Его, я ринулся на землистую массу, затопившую комнату, стараясь раздавить и вымести прочь эти непереносимые существа, посланные нам то ли во испытание, то ли в наказание. Победа оказалась не на моей стороне. Я словно сражался с гидрой. А когда остервенелое помутнение стало отступать, проходить и разум мой немного очистился, я сделал то, что необходимо было сделать в самом начале: с трудом волоча беспомощную, упирающуюся Синтию, поспешно ретировался в соседнюю комнату, еще не захваченную порождениями плесени и, уложив сестру на кровать, старательно заделал одеждой из шкафа все доступные для них лазейки. После этого, колотимый нервной дрожью, тоже свалился от бессилия в кресло.

Для одного дня этого было слишком, но не оставалось сомнений, что конца начавшейся вакханалии мы скоро не увидим. Змей, кровь, жабы. А что на очереди? Мошки, блохи и град? Но почему? Ответа я не находил. Единственный человек, который мог бы хоть как-то помочь мне, покоился в мире, а я стоял перед черной бездной, полный смирения и ожидания.

Такое состояние длилось недолго. Под потолком, возле

ярко горевшей лампы, нарастало не замеченное мной вначале дребезжание. С десятков мошек и жуков кружили вокруг стеклянной колбы розового абажура. Некоторые из них были мне прекрасно известны: слепни и оводы когда-то во множестве водились в полях за городом. Откуда они взялись сейчас, было совершенно непонятно, но можно было догадаться, кто привел их в наши дома. Мэт! Старая карга нашла яркий для понимания способ демонстрации своей силы. Силы, недоступной для человека.

Дребезжание перешло в хаотичный шум и вскоре комнату наполнили сотни, тысячи жесткокрылых находящих удовольствие в болезненных укусах лица и рук, которыми я пытался прикрыть обезумевшую от боли Синтию.

– Что же это происходит, Альберт? – На последнем вздохе выдавила она и потеряла сознание.

Перестав обращать внимание на залепивших израненное лицо насекомых, я старательно укрыл Синтию одеялом. Может, они не доберутся до нее? Мне же было все равно. Иногда смирение помогает перетерпеть боль, поэтому я не сразу заметил появление мириад крошечных телец, новой волной затопивших комнату. Кровососущие блохи, или как их можно назвать еще «пёсьи мухи». Мой залепленный оводами рот харкающе-истерически изрек, попытался выплюнуть «погибала земля от пёсских мух⁶», после чего я тоже потерял сознание, не в силах переносить это мучительное наваждение.

⁶ ИСХОД 8 24

В чувство меня привела тишина. На какое-то время она показалась сладким сном. Не было шаркающего по полу движения осклизлых тварей за дверью. Не слышно было жужжания в ушах слепней, грызущих мое лицо и превративших его в истлевшую соту. Лампа под потолком не горела и только в окно пробивался сероватенький, сравнимый с поздним вечером, свет. Дождь, каким бы он ни был, перестал идти. Опухшие, набрякшие веки все же позволяли видеть. Может, все случившееся и было сном, наваждением?

Я встал и с трудом сделал шаг: до самых щиколоток пол был завален трупиками иссохших насекомых, а из-за двери доносился едва переносимый запах гниения. «И жабы тоже?» – подумал я. С трудом переставляя ноги и сминая мертвых насекомых, я доковылял до кровати, на которой оставил Синтию. Погрызенное одеяло все же, более-менее, защитило ее. Воспаленным взглядом она смотрела куда-то мимо меня и тяжело дышала.

– Сейчас, дорогая, сейчас. – Засуетился я.

Погружаясь и увязая в компосте из насекомых, я кое как добрал к окну и распахнул его. Пустынные, словно вымершие улицы, заваленные мертвыми земноводными и насекомыми, а над всем этим месивом парил разлагающий запах смерти. Слепые, незрячие окна соседних домов. Во что превратился наш живой и веселый город?

Синтия металась по кровати и бормотала что-то нечленораздельное. Из аптечки я взял все, что только могло бы ей

помочь. Заставил проглотить антибиотики и сделал инъекцию димедрола. Иногда нельзя полагаться только на веру. На какое-то время она затихла, а я, поплотнее укутав ее лихорадящее тело, принялся за уборку дома. Для этого мне пришлось проделать трудный и не приятный путь к кладовке, чтобы разыскать большую лопату. И уже лопатой я выбрасывал, выгребал остатки насекомых в окна, на улицу. Тяжелый физический труд оттеснил боль и заставил интенсивнее циркулировать кровь, принес облегчение. Труднее пришлось с другими комнатами, переполненными гноящимися трупами распухших обитателей воды и болот. Когда в комнатах установился относительный порядок, меня осенила догадка. И я направился в ванную. Крови не было и в помине, из крана текла чистая вода. Неужели пришел конец нашим мучениям? Окрыленный слабой надеждой, я с новыми силами принялся за более тщательную уборку.

А Синтии становилось все хуже. Её искусанное лицо распухло и покрылось неприятными волдырями, тело полыхало жаром и конвульсивно подергивалось. Ей нужен был врач, но как и где его найти, если улицы завалены скопищем разлагающейся дряни? Я поднял трубку телефона, но там была мертвая тишина. Оставалось только уповать на Него. В сероватом свете, прочно повисшим над городом, я смотрел, как металась в бреду моя сестра и ничего не мог поделать, только молиться. Время необратимо уходило, а я сходил с ума запертый в протухших комнатах у постели, отравленной ядами

сестры и сжимал ее тающие, иссыхающие руки. Бездействие сводило меня с ума и сам в полу бреду я что-то бормотал. А потом понял, что мучения наши не закончены, что болезнь Синтии – продолжение казней, насланных Мэт. Ведь сказано «и сделалось воспаление с нарывами на людях и на скоте⁷». Будь проклята Мэт! Кто же она такая, эта старая колдунья и ворожея, принесшая несчастья в наш дом, в наш тихий город? И Ты, Господи, равнодушно взираешь на это?!

Порыв свежего воздуха ворвался в раскрытое окно и упругие струи сильного ливня освежили комнату. Первые крупные градины, размером с приличную горошину, упали на подоконник, на пол и застучали по стеклам, наращивая ритм. Как бы ни было мне тяжело и больно, я саркастически ухмыльнулся: старая Мэт верна себе, регулярно насылет очередную казнь, а мы бессильны против нее. Что же ждет нас впереди? Тяжело поднявшись, я прикрыл окно, предоставив граду делать свое дело, бить траву и ломать деревья⁸. Пройдя по всем комнатам, я тщательно затворил все окна, открытые мной ранее.

Равномерный стук за окном, сморил меня и, сжимая руку сестры, я провалился в беспокойный сон. Разбудили меня сильные удары в дверь. Ничего не понимая, я побрел открывать ее. Отпихнув меня в сторону, в комнату ввалился

⁷ ИСХОД 9 10

⁸ ИСХОД 9 25 «и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал град»

побитый градом Карл в промокшей насквозь одежде. Вместе с ним в прихожую успели заскочить несколько крупных зеленых насекомых, которых мы тут же поспешили раздавить.

– Саранча. – Провозгласил Карл. – появилась сразу же после града. Странные у нас тут аномалии происходят.

– Доктор, Синтия! – Взмолился я. – Помогите ей! Кажется, она умирает.

Мотнув головой, он отстранился от меня рукой.

– Сейчас! У вас не найдется чего-нибудь выпить? Покрепче.

И устало повалился в ближайшее кресло. Его было не узнать. Взлохмаченные, перепутанные волосы, в которых застряли все еще не растаявшие градины, расцвеченное синяками и язвами лицо, порванная одежда, суетливо-возбужденные глаза.

– Пожалуй, вам самому нужна помощь. – Эти слова произнес не я, а мое сострадание.

Он не стал дожидаться пока я наполню стакан, а, тяжело поднявшись и прихрамывая, направился в комнату Синтии.

– Оставьте нас и приготовьте, наконец, чего-нибудь выпить.

Он пробыл у нее не долго, я только-только успел наполнить стакан церковным вином и Карл залпом его опустошил, чуть ли, не вырвав его у меня из рук.

– Благодарю. Вам бы тоже не помешало это лекарство, святой отец.

И, утирая рот тыльной стороной ладони, он устало упал в кресло.

– Проклятье! Извините мою несдержанность, но, кажется, я уже целую вечность на ногах и ничего, слышите, ни-че-го, не могу сделать для своих пациентов.

– Что с Синтией, доктор?

– То же, что и с другими. Тиф. Некоторые больны чумой, другие сибирской язвой. А я не имею под рукой простейшей вакцины! Откуда бы?! Эти болезни давно не проявляли себя. Этим должно заниматься правительство, а не доктор маленького городка. Люди умирают, а я вынужден смотреть на это и не в силах предотвратить их смерть.

– Выговорите, другие?

– Да, святой отец, да! Полгорода умирает от болезней, которые мы давно считали побежденными. Скорее всего, их принесли наводнившие город насекомые. Но откуда взялись они?

– Синтия будет жить?

– Ах, вы все о ней! Не знаю. Связи с другими городами, со столицей нет. Вряд ли и в столице будет вакцина. Завести машины и добраться по трассе пока тоже невозможно, виновники все те же насекомые. Так что, скорее всего, все заболевшие обречены. Мы все обречены. Если только не придет кто-то в наш городок. Эти проклятые насекомые вывели из строя электростанцию.

– А спутниковая связь? У кого-то же в городе может быть

спутниковый телефон? В ратуше, полиции?

– Если есть, уверен, они уже сообщили о наших проблемах. Вы что же, святой отец, считаете, что во всем виновата эта Мэт?

– Вы видите проблему с другой точки зрения?

– По правде говоря, как только закончился град и ливень немного смыл с улиц нагромождения этой гадкой нечисти, по городу стали ходить какие-то люди и созывать всех живых нести своих мертвецов на городскую площадь. Будто бы Мэт явит там свое истинное лицо. Что вы об этом думаете?

– Я сейчас не могу думать об этом, доктор. Моя сестра! Неужели ей ничем нельзя помочь?

– Я же сказал уже, я был честен с вами. Не знаю. Разве что вашими молитвами. Или кто-то сумеет покинуть город и сообщить властям. Но на это уйдет время. И этот постоянный серый сумрак над городом: ни дня, ни вечера, ни ночи. Я перестаю что-либо понимать.

– Вероятно, сейчас еще город наводнила саранча.

– О чем это вы, святой отец?

Взяв Карла за руку, я подвел его к окну. Казалось, тротуары и дороги ожили. По серому городу двигалось не менее серое море. Местами оно вспучивалось и перекатывалось волнами.

– Помните саранчу, которую вы раздавили, когда вошли ко мне в дом?

– Так это она?

– Да, казнь седьмая. «Я наведу саранчу на всю твою область. Она покроет лице земли так, что нельзя будет видеть земли, и поест у вас все оставшееся на земле, уцелевшее от града; объест так же все деревья, растущие у вас в поле, и...»

– Но зачем ей это надо?

– Вот этого я не знаю. Я думаю, Господь отвернулся от нас и зло вновь обретает силу. Оно всегда где-то рядом и ждет только своего часа.

– Я не верю в эти глупости. Я убежденный атеист. Но... Всего за сутки на наш город обрушиваются странные и страшные бедствия. Кровавый ливень, жабы, мошки, блохи, скот валит моровая язва, люди умирают от скоротечной чахотки и других жутких болезней. В довершение всего град, саранча. Ваш Господь не очень-то любил людей. Чего нам ждать еще?

– Тьмы. Осязаемая тьма⁹. Она закроет наши глаза, ослепит нас.

– Ваши слова звучат, как предсказание, в которое очень трудно поверить.

– Для того, чтобы в нее поверили и дает Мэт все эти казни-знамения. Так делал и Господь наш, движимый благой целью.

– Святой отец, ваш Господь был болен на всю голову, если заставлял верить в себя такими страшными вещами. Он какой-то маньяк. Может, и у Мэт благие цели? В этом у меня

⁹ ИСХОД 10 21

большие сомнения. Если она метит на место Бога...

– Разве вы не слышали, что она претендует на это?

– Во истину, *magnum rem puta unum hominem agree*¹⁰. Мы должны остановить ее бесчинства.

– Как вы себе это представляете? Она одним движением руки бросает меня на колени, управляет стихиями и природой. Ни вы, ни я не сможем противостоять ее силе, Карл. Кто мы такие и, кто она? Она с легкостью может отнять у нас жизни. Не лучше ли смириться?

– Этому учит вас ваша вера, святой отец? Или вы уже потеряли ее остатки?

*Non est, ut putas, virtus, pater
Timere vitam, sed malis ingentibus
Obstare, necse vertere ac retro dare*¹¹.

– Не смирились ли мы все с тем злом, которое постепенно накапливалось и росло в нашем мире? Может быть, именно поэтому он и отвернулся от нас?

– Боже, Карл! От кого я слышу эти праведные слова?

– Да, святой отец, я атеист, я не верю в Бога и дела его, но я верю в справедливость и свободу воли. И я знаю, что если

¹⁰ Знай: великое дело играть одну и ту же роль (лат.) Сенека. Письма 120, 22

¹¹ Доблесть не в том, как ты полагаешь, отец, чтобы бояться жизни, а в том, чтобы уметь противостоять большому несчастью, не отвернуть и не отступить перед ним (лат.) Сенека. Финикиянки, 151

кто-то хочет навязать себя другим, то это очень нехороший человек, тем более, если он не задумываясь уничтожает других людей. Из зла не вырастет добра. Если в этом виновата Мэт, кем бы она ни была, я буду бороться с ней. И если это остановит все эти страшные эпидемии, то тем самым я смогу оправдать свое существование и служение той профессии, которую выбрал.

– Если нет другого пути. – Добавил он, подумав.

– Вы очень горячи, Карл, в ваших речах слышен глупый задор мальчишки, а не взвешенные рассуждения взрослого человека. Сами подумайте, что вы можете ей противопоставить?

– Если честно, то я все еще сомневаюсь, что причиной всех этих бед, несчастий, катаклизмов является эта старая безумная старуха. Что если все это цепь совпадений? Возможно, нам стоит поговорить, пообщаться с самой Мэт? Может, мы получим хоть какую-то информацию от нее? Нельзя же все время прятаться, скрываться? Пойдете со мной, святой отец? Ваши прихожане в большой беде. Не в вашей ли обязанности помочь им?

– Мой приход давно разбежался, и если мне суждено пойти к Мэт, то я сделаю это только ради сестры.

Холодными губами я прикоснулся к пышущему жаром лбу Синтии. Прости меня, дорогая. По умирающему городу я пойду к той, что желает твоей смерти. Она сказала, что я приду сам, что ж, так и выходит, я иду к ней.

Надев на грудь распятие, я сжал его обеими руками. Дай, Господь, мне силы и веры!

– Идемте, Карл. Кажется, вы больше, чем я уверены, что причина всех несчастий – Мэт. Именно поэтому вы пришли ко мне. Неужели больше некому заняться этим делом? Вам нужна моя помощь и даже больше, вы почему-то убеждены, что только у меня есть шансы хоть как-то противостоять Мэт. Я не прав?

Он попытался скрыть улыбку.

– Вы видите меня насквозь, святой отец. Именно поэтому я уважаю и вас, и вашу религию. Как там саранча?

– Разве вы боитесь ее после всех свалившихся на нас напастей?

– Нет, конечно, нет, идемте.

Следуя к двери, за широкой спиной Карла, я чувствовал себя более-менее уверенно. Но, судя по всему, Мэт я нужен был один. Висящее у входной двери небольшое зеркало вспыхнуло огненным переливом, завладевая моим вниманием. Короткого мига оказалось достаточно. Словно гигантская воронка, невидимая сила потянула меня к себе и растворила в головокружительной черноте, повергая в небытие.

А потом пришла боль и последовала старательная борьба с этой нестерпимой болью.

Распятый на кресте, я вяло следил, как три дергающиеся фигуры, не прекращая своего хаотического танца, приблизились ко мне и, точно по команде, застыли как статуи, осве-

цаемые бликами пламени в крошечной темноте. Потом зашевелились вновь.

Глупо похихикивая, Томас Краузе, местный мусорщик, потянувшись снизу-вверх, потрогал мои запястья. Прикосновение отдалось в растянутых руках острой болью.

– Не болит? – Спросил он ехидно.

– Почему, Том? – Со всей душевной и физической мукой спросил я его. – Разве я когда-нибудь был несправедлив к тебе? Обидел тебя?

Улыбка сбежала с его лица.

– Это совсем не обязательно. Я служу Мэт. Служу давно, уже много лет, с тех пор, как стал мусорщиком. И, смотрите, я хорошо обошелся с вами, святой отец. Или не такой уж и святой, а? Я не приколотил вас гвоздями к кресту, как того хотела бы Мэт, а всего лишь примотал старыми стальными тросами. Разве это не милостиво к вам?

– Благодарю. – Его наивности можно было только почувствовать. – А что с моей головой, кажется, она разбита?

– За это извините. Когда Мэт призвала вас, впечатляюще, не так ли, пришлось приложить вас трубой, чтобы спокойно примотать к кресту.

– А мое распятие, где оно?

– В огне, святой отец.

– Хватит разговоров! – Оборвала его Мэт. – Надо отдать должное, это распятие вам больше к лицу. – Она утробно хохотнула. – Сегодня сожжение вашей святой милости озна-

менуется наступление царства Хазвы.

– Кто такая эта Хазва? Вы служите ей? – Не знаю почему я спросил ее. Мною двигала не смелость и не любознательность. Скорее, это был риторический вопрос.

Ее громогласный хохот едва не загасил пламя огромного костра, а крест, к которому они привязали меня, мелко завибрировал, причиняя мне новые мучения.

– Хазва – это я! Я так долго молчала! Когда-то ваш Господь пытался умертвить меня, сжигаемый яростью на сынов Израилевых. Умертвить меня, дочь царя Модиамского за прелюбодеяние! Он опасался распространения и проникновения блудной крови! Но моя кровь бессмертна. Этим он только ожесточил меня. Сотни лет я боролась с ним и верой в Него. Я постигла тайны колдовства и могла биться с Ним на равных. Я почти уничтожила Его, но он одолел меня с помощью, выпестованной Им Церквю. Шестьсот лет назад он сумел лишить меня силы. Он связал меня верой в Него. Он почти безраздельно правил миром, прикрываясь различными именами. Шестьсот лет Он держал меня в своей власти и не давал проявить себя в мире, проникнутом верой в Него. Однако, время шло, и вера угасала, вырождалась, мельчала. Вы сами отворачивались от Него, а я, тем временем, обретала свободу. Люди верят в кого угодно, но только не в Него, царя «добра»! Теперь вы поверите в меня! Я стану Единственным и Неповторимым Богом для вас, и все узнают мое Имя! Я

создам новый мир, мир Хазвы¹²!

– Но почему ты повторяешь за ним казни Египетские?

– Я лишь позаимствовала идею. У Него. Люди на самом деле такие трусливые, слабые! Когда-то Он был великолепным манипулятором и грубой силой заставлял поверить в Него. А потом прикинулся богом света, добра и любви, пожертвовал своим «сыном». Ваш Бог – бог лицемерия и лжи!

– И тебе ни на йоту не жалко людей, которых ты обрекла на смерть?

– Какая наивная глупая простота! Ты смешен! Неужели, ты ничего не понял?! Вы, люди, – лишь жалкий мусор у моих, наших, ног! Я могу уничтожить в мгновение ока город, страну, всех! Могу оставить в живых половину планеты, четверть, двенадцать! Тех, кто последует за мной, станет слушать мне, верить в меня, исповедовать царство Хазвы.

– И я – жертва заклания на этом празднике безумного зла?

– Не ты один. Сегодня к подножию твоего костра люди сложат своих мертвецов. Не первенцев, нет, я более милосердна, чем твой Бог! Понимаешь это? Сложат лишь тех, кого выбрала я. А ты познаешь все прелести мученической смерти, как месть одному из твоих далеких предков, помогавших Ему в борьбе со мной. Скольких людей сожгли они на кострах! Не знаешь?! Меня всего лишь прельщает то, что нет дома, где не было бы мертвеца¹³. В конце концов,

¹² Хазва – обманчивая (ивр.), дочь царя Модиамского Цура

¹³ ИСХОД 12 30

мне нужны живые верующие, последователи, а не бездушные трупы.

Мысль, подозрение, догадка промелькнули в моей разбитой голове.

– А моя сестра?

– И она тоже! – Её смех был мне ответом. – Не останется никого вашего корня. Грузите его!

Мусорщик Томас с городским ветеринаром Вулфом Броске засуетились у моих ног, подняли крест и водрузили его на грудe мусора в грузовичке Томаса. От смены положения, пришедшие в движение распушенные стальные проволочки троса начали раздирать обескровленные руки и всколыхнули во мне новую волну безумной острой боли с которой я, казалось, уже сроднился. Пожираемый ее огнем, я снова потерял сознание, а когда снова пришел в себя, увидел, как мимо неторопливо проплывают погруженные во тьму улицы моего родного городка. Мы двигались в сторону городской площади, посреди нескончаемого людского потока. И я, реющий над ними на кресте, чувствовал себя гораздо хуже тех, заперенных в простыни мертвецов, что несли на себе мои вчерашние друзья и знакомые. Мэт-Хазва трагедию превращала в насмешку, а издевательство в утверждение своей власти.

Всю свою жизнь я служил вере, вере в Него. Вера, по определению не может быть рассудочной, рассудительной. Вера слепа, ее принимаешь как данность, как аксиому. Но люди не могут не задавать вопросы, не искать ответы на них. Поэто-

му вполне понятно, что вера ослабла, а из недоступных человеческому пониманию тайников на волю выдвинулось некое абсолютное Зло, спешащее, и вполне успешно, навязать веру в себя, как в новое божество. На смену старым догматам идут новые. И не вполне ясно, какие из них предпочтительнее. Люди – всего лишь разменные пешки в чьей-то жестокой бескомпромиссной борьбе.

Значит ли это, что вера в Него, в добро и справедливость, в торжество разума человека, погибла окончательно? Вопросы, которые я никогда не задавал себе раньше, налетели жгучей волной душевной муки и требовали немедленного ответа. Что должен делать я у последней черты? Смириться? Борьба? И как? Силой противостоять Мэт невозможно. Тогда как одолеть ее? Если не одолел Он. Она говорила, что была связана верой в Него...

Об этом я продолжал думать даже тогда, когда на вершину будущего костра водрузили мой крест, а к его подножию люди стали укладывать своих мертвецов. Да, это должен был получиться величественный монумент торжества безумной ненависти над человечностью. Город полностью был во власти Мэт, люди смирились, приняли ее. Как же быстро это произошло! Как вернуть в них силу и веру?! Люди, еще вчера веселые, активные, полные жизни, двигались как плохо смазанные покорные машины. На их оцепенелых лицах не отражалось никаких эмоций. Но ведь не лишила же она их сердца? Может быть, слово Божье, слово Его, сможет пре-

одолеет тот страх в их душах, который внушает Мэт? Не должен ли я повторить ранее совершенно им и возжечь пламень в сердцах?

Тьма царила над городом, и ее не в силах были разогнать многочисленные факелы в руках горожан. Растопит ли лед сердец всего одна искра?

Сзади под чьими-то ногами сдвинулись, загрохотали доски.

– Как самочувствие на высоте положения, святой отец?

– Карл! – Болезненный спазм сжал мое горло.

– Не нужно кричать, дорогой Альберт. Я здесь без высочайшего соизволения нашего нового Божества и излишняя популярность мне ни к чему.

– Что они могут сделать с вами, Карл?

– Вероятно, присоединят к тому легиону, который будет сопровождать вас на небеса.

– Вы циник, Карл.

– Я трезво смотрю на вещи. Не знаю, кто такая на самом деле Мэт, но она имеет какое-то необычное ментальное влияние на людей, она запугала всех в городе. До сознания людей просто никак не достучаться, там сплошной страх. Я человек не верующий, но происходят странные вещи и очень хочется хоть во что-то поверить. Когда-то в юности, во время учебы, я был поклонником проповедей, произносимых Папой Иоанном в Ватикане. Это был верх риторического искусства! Если бы вам удалось добиться хоть чего-то подоб-

ного. Чтобы нести веру, вы должны поверить сами и поверить очень сильно.

– Может ли слово противостоять силе?

– Вы должны знать ответ на этот вопрос или вы настолько разуверились в себе? Слово, проникнутое верой, – огромная сила.

– И это говорите вы, Карл?

– Все мы когда-то бываем поставлены перед выбором и необходимостью пересмотреть свои взгляды.

– Для этого мне нужна помощь Господа, духовная поддержка, сила.

– Так обратитесь к Нему! Загляните в себя.

Это были его последние слова. Мусорщик Томас заметил Карла у креста и в несколько прыжков оказался у его подножия. Одним ударом металлической трубы он раскроил доктору череп. Так легко и просто умертвил того, кто несколько раз спасал его собственную жизнь. Ненависть, пренебрежение к чужой жизни завладела людскими душами.

– Не переживайте, патер, скоро и ваша очередь. – В его глазах не было и намека на добродушие.

Их положили у изножья креста рядом, лицами вверх, Карла и Синтию. У меня не было сил оплакивать сестру, обилие смертей заслонило личную трагедию. Неверный дрожащий свет факелов, запахи старого дерева под ногами, трупы вокруг, отрешенная толпа и я над нею – все было настолько сюрреалистично и чуждо, что казалось сном и подавляло

все возможные чувства. Чары? Сон? Бред? Нет, скорее это был шок от неожиданно возникшей реальности, принять которую мозг был не в силах.

Мне нужна была вера, всеобъемлющая и безудержная вера. И когда в белом одеянии к подножию будущего кострища подошла Мэт, я знал, что скажу.

– Слушайте меня, люди! – провозгласила она. – Ваши предки верили когда-то в одного Бога и называли себя христианами, но теперь это позади. Сегодня люди верят в кого угодно, только не в Него. И если даже утверждают, что веруют в Христа, они лгут о своей вере. Вам ближе и понятнее Иегова, Виссарион, Мун, Асахара и тысячи прочих лживых пророков, взывающих к вашим порокам, но не этот прячущийся обманщик, предоставляющий человеку самому выпутываться из своих проблем, а не ведущий его за руку от колыбели до могилы. Даже служители Церкви Его не найдут между собой общего языка! Единую веру в Него они разорвали на части, грызутся вокруг нее, как собаки за кость. Православие, католицизм, протестантизм, лютеранство и сотни, тысячи баптистских сект и толкований! Каждый использует веру, чтобы обратить ложь себе во благо. Именно поэтому и стою я сейчас перед вами. Я – тот Бог, который нужен вам. Христианство, в любом его виде будет уничтожено. Останется истинный Бог Хазва! Я дам вам то, что захотите вы. То, что ожидаете вы от высшего существа, но и отнимать я буду полной мерой! Любое сомнение в вере в меня будет карать-

ся немедленной смертью! Взамен я требую только одного – служить мне и подчиняться моей власти, если не хотите окатиться в этом костре. – И злобный надменный хохот ее бурей прокатился по площади.

– Теперь скажу я.

Мэт в недоумении застыла, а рука ее с факелом поднялась повыше. Ощущение своей силы взяло верх и она милостиво выдохнула. – Что ж, говори!

Я не смотрел в покорные людские лица, свой взор я направил в черное небо, ища поддержки у Него.

– *Sursum corda*¹⁴! И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и говоря со мной, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящую на водах многих; и с ней блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле ... и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удивлением великим¹⁵.

Пред вами стоит сейчас та великая блудница и прельщает неземными богатствами, но о душе своей позаботитесь ли вы? Свободу воли дал вам Господь и что сделали вы? Выбор определили свой: сердца закрыли свои, а души продали, за-

¹⁴ Ввысь да стремятся сердца! – начальные слова латинской католической молитвы

¹⁵ Откровение 17: 1, 2, 5, 6

быв, что сказано:

Больше всего хранимого храни сердце твое;
потому что из него источники жизни.

Отвергни от себя лживость уст,
и лукавство языка удали от себя.

Глаза твои пусть прямо смотрят,
и ресницы твои да направлены будут прямо перед тобою.

Обдумай стезю для ноги твоей,
и все пути твои да будут тверды.

Не уклоняйся ни направо, ни налево;
удали ногу твою от зла¹⁶.

Так почему же вы идете на поводу у зла? Забывая себя и душу свою. Бок о бок живут вечно добро и зло и выбор между ними труден порой, ибо прельщает нас блуд. Посмотрите: мы с вами рядом, но вы внизу и жаждете смерти. А я наверху и смерти моей жаждете вы. Воскликнуть ли мне:

Господи! Не в ярости Твоей обличай меня,
и не во гневе Твоем наказывай меня.

Ибо стрелы Твои вонзились в меня,
и рука твоя тяготеет на мне¹⁷.

¹⁶ Притчи 4 23-27

¹⁷ Псалтирь 38 1-3

На справедливый выбор ваш полагаюсь я, ибо Он, Господь наш, наделил душой человека и не в силах блудница и ворожея лишить вас ее. Души моей не смогла она лишить меня потому как

Твердо уповал я на Господа,
и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой.
Извлек из страшного рва,
из тинистого болота;
и поставил на камне ноги мои,
и утвердил стопы мои;
и вложил в уста мои новую песнь –
хвала Богу нашему.
Увидят многие, и убоятся,
и будут уповать на Господа
Блажен человек, который
На Господа возлагает надежду свою
и не обращается к гордым,
и к уклоняющимся от лжи.
Много сделал Ты, Господи, Боже мой:
о чудесах и помышленьях Твоих о нас –
кто уподобится Тебе! –
хотел бы я проповедовать и говорить:
но они превышают число¹⁸.

¹⁸ Псалтирь 40 1-6

Устрашились вы чудес невиданных, запугала вас блудница и зло вершить начинаете вы, потакая той, которая умертвила родных ваших и смертью грозит вам. Сил достанет ли вам воспротивиться и смахнуть с себя печать зла, наложенную играючи ворожеей? Пред последней чертой стоите вы, так помыслите о Боге, о вере, о душе и жизни своей.

Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду.

Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей гряди, Господи Иисусе¹⁹!

Утробным и злым смехом расхохоталась Мэт-Хазва и факел в руке ее, наклонившись, жадно облизнул древесину. И в этот момент показалось, что начало спадать с людей оцепенение, в котором пребывали они до и во время моего к ним обращения. Последние силы и душу отдал я им, вбивая в них слова Господа нашего. На благодатную почву упали всходы и проросли. С животным рычанием набросился на Мэт мусорщик Томас и выбил факел из ее руки, а занявшиеся дрова разбросал в стороны. Бурлящее людское море обступило со всех сторон Мэт и уже первые клочья волос полетели с ее головы. Ужасный визг ее резанул перепонки. А я, в очередной раз теряя сознание, увидел сквозь мутную пелену, как

¹⁹ Откровение 14, 15, 20

рванулся вверх Томас и, раздирая в кровь руки о стальные тросы, принялся развязывать мои путы, причитая, – Извините, святой отец, помутнение нашло.

И, заламывая руки, взвыл в черное небо, – О, Господи! Простишь ли ты меня?!

– Всем нам придется держать ответ. – Прошептал я и повалился в чьи-то протянутые руки.

И казалось мне, что смыкается над Мэт гудящая толпа. Удары и проклятия сыпятся на ее голову, за погубленных родственников, за прельщение злом. И никнет она, растеряв свою силу. Неужели настолько действенным оказалось слово Божие?! Или все это только желанный сон и лижут меня со всех сторон языки жаркого пламени?

А в колеблющемся мареве бреда я видел, как раздалось в стороны людское многоголосие и ветер рванул вверх пустую белую тряпку. Была Мэт и не стало.

И еще много раз я приходил в себя и вновь погружался в беспмятство. Развиднелось небо от черноты и вновь прорезалось синевой. Кто-то перевязал развитые голову и запястья, мое тело качали чьи-то руки.

– Как жить нам? – Вопросали меня. – Как дальше быть, святой отец?

– По совести и без пастыря. – Бормотал я и с каждым шагом все ближе подходил к Господу.

Многого не успел я им сказать. Впрочем, тьма сгущается надо мною, а им забывать не стоит, что зло постоянно

под боком, нашептывает на ушко коварно легкие решения. А человеку на то и дарована свобода воли, чтобы отличать добро от зла и принимать свои собственные решения. Мертвых не вернуть, а жизнь продолжается. И юркой мышью проскользнула в замирающем сознании мысль, а не посредством ли свободы выбора человека и совершается Божественное предначертание?

Скоро предстану пред Тобой, Господи!